

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

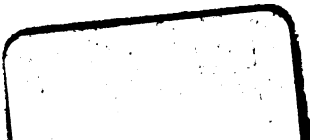
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PG

3438

D7

DRAHOMANIV, M.
VOSPOMINANIĀ O ...

Драгомаховъ, М. П.
М. П. Драгомаховъ.

Воспоминанія

о
знакомствѣ

съ

М. С. Пургенева.

Цѣна 15 коп.

КАЗАНЬ.
„Центральная типографія“
1906.

СОЧИНЕНІЯ

М. П. Драгоманова.

М. А. БАКУНИНЪ. Критико – біографическій очеркъ
съ приложеніями.

Цѣна 60 коп.

ГЕРЦЕНЪ, БАКУНИНЪ, ЧЕРНЫШЕВСКІЙ и Польскій
вопросъ.

Цѣна 40 коп.

Великорусскій интернаціональ и Польско–украин-
скій вопросъ.

Цѣна 50 коп.

Мое знакомство съ П. С. Тургеневымъ ни было ни продолжительнымъ, ни близкимъ, но мнѣ посчастливилось наблюдать его съ тѣхъ сторонъ, съ которыхъ онъ менѣе извѣстенъ, а потому я считаю своею обязанностию внести и свою долю въ публичную память объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ.

Заочное знакомство мое съ И. С. началось въ 1873 г., когда одинъ его пріятель предложилъ мнѣ заняться разборомъ для печати бумагъ умершаго передъ тѣмъ дяди И. С.—ча, Николая Ивановича Тургенева, въ его домѣ въ Буживаль подлѣ Парижа, по сосѣдству съ домомъ, гдѣ проживалъ и И. С. Я, который жилъ тогда въ Италіи и собирался ѣхать во Францію, долженъ былъ списаться по этому дѣлу съ И. С. Но такъ какъ я долженъ былъ скоро ѣхать въ Россію, то мнѣ не пришлось воспользоваться этимъ предложеніемъ, о которомъ теперь говорю между прочимъ и для того, чтобъ напомнить, что съ тѣхъ поръ ничего не слышно о разборѣ и публикаціи бумагъ Н. И. Тургенева, которыя, конечно, должны заключать въ себѣ не мало интереснаго.

Я почталь въ П. С. знаменитаго русскаго писателя и пріятеля украинской литературы: переводчика рассказовъ Марка Вовчка, автора воспоминаній о Шевченкѣ, напечатанныхъ при пражскомъ изданіи Кобзаря, внушителя французской статьи о Шевченкѣ г. Эмиля Дюрана въ *La Revue des deux Mondes* и т. п. По этому послѣ моей ему рекомендаціи по дѣлу о бумагахъ Н. И. Т., я считалъ долгомъ вѣжливости посылать ему оттиски моихъ журнальныхъ ста-

той по украинскому вопросу и свои изданія украинских народных пѣсень и сказокъ. Въ 1876 г. я послалъ ему изъ Вѣны повѣсти Федьковича, который представляетъ для Карпатской Руси то же самое, что М. Вовчокъ для російской Украйны,—съ моимъ предисловіемъ (писаннымъ по украински) о галицкорусской литературѣ, въ которомъ я дѣлаю между прочимъ характеристику двухъ теченій въ ней: стараго, неправильно принимаемаго въ Россіи за общерусское, и новаго, украинофильскаго, или народнаго.

Отвѣтомъ на эту посылку было первое письмо ко мнѣ И. С., напечатанное ниже.

Вскорѣ за тѣмъ я переѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ обстоятельства (приготовленія къ войнѣ съ турками, потомъ война, политическіе процессы въ Россіи и т. п.) заставляли меня нѣсколько разъ печатать брошюры и статейки, въ которыхъ я проводилъ мысль о политической свободѣ, какъ о первой необходимости для Россіи. Писанія эти я отправлялъ И. С. въ Парижъ, и къ нимъ то относится выраженіе согласія, которое находится въ началѣ 2-письма ко мнѣ Тургенева.

Письмо это, впрочемъ направлено было ко мнѣ отчасти по недоразумѣнію,—такъ какъ И. С. предположилъ, что это я послалъ ему напечатанный въ Женевѣ сборникъ стихотвореній „Изъ за рѣшетки“. На самомъ дѣлѣ послалъ этотъ сборникъ Германъ Александровичъ Лопатинъ, принимавшій участіе и въ редакціи предисловія къ сборнику и, по крайней мѣрѣ послѣ, довольно частый посѣтитель Тургенева и, какъ говорили, даже отчасти служившій ему моделью для фигуры Нежданова. (?) Отвѣчая на письмо Тургеневу, я ему сообщилъ, что я ни имѣлъ никакого прикосновенія къ сборнику и предисловію, и въ то же время передалъ, что въ молодой женевской русской эмиграціи я знаю людей, которые остались вовсе не недовольны „Новью“. Я указывалъ впрочемъ Тургеневу на нѣкоторыя неясности въ романѣ, которыхъ причину я усматривалъ въ слишкомъ большомъ вниманіи автора къ „даннѣмъ обстоятельствамъ“ т. е. къ цензурѣ, а дальше позволилъ себѣ высказать, что такой писатель, какъ Тургеневъ, долженъ бы былъ вполне ясно и рѣшительно занять положеніе, совершенно независимое и отъ молодыхъ революціонеровъ, и отъ правительства и для этого, если нужно, печататься за границей, безъ цен-

зуры, какъ дѣлали въ свое время Вольтеръ, В. Гюго и т. п.

Послѣ этого я получилъ отъ И. С. третье письмо въ которомъ Тургеневъ заявилъ о томъ, что долженъ все еще „отказать себѣ въ удовольствіи“ отвѣта на мои проклятые вопросы, — но которое интересно для характеристики личной заботливости И. С. о своихъ пріятеляхъ, на этотъ разъ о Рольстонѣ, авторѣ многихъ книгъ и статей о Россіи и переводчикѣ многихъ русскихъ произведеній на англійскій языкъ. По поводу болѣзни Рольстона, я, кажется, получилъ отъ И. С. еще одно письмо, которое, къ сожалѣнію, теперь я не могу найти у себя. За тѣмъ вскорѣ мнѣ пришлось свидѣться съ Тургеневымъ, въ первые, — на международномъ литературномъ конгрессѣ въ Парижѣ, во время выставки 1878 г.

На литературный конгрессъ я сунулся, отчасти „не спросясь броду“. Прочитавши въ газетахъ о томъ, что будетъ всемірный литературный конгрессъ подъ патронатомъ такихъ лицъ, какъ В. Гюго и И. С. Тургеневъ, я рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ для протеста противъ возмутительнаго факта: почти всецѣлаго запрещенія въ Россіи украинскій литературы, и не сомнѣвался въ сочувствіи членовъ конгресса. Въ нѣсколько дней была импровизована и напечатана моя брошюра *La littérature oukraïnienne perscrite par le gouvernement russe*. Первые готовые экземпляры ея были посланы при соответственныхъ письмахъ въ бюро конгресса и специально В. Гюго и Тургеневу, — а за тѣмъ я помчался въ Парижъ съ сундукомъ наполненнымъ экземплярами какъ этой брошюры моей, такъ и русскихъ и украинскихъ моихъ изданій. На самой швейцарско-французской границѣ моему оптимизму нанесенъ былъ первый ударъ: французскіе чиновники объявили мнѣ, что не могутъ пропустить безъ цензурнаго пересмотра моихъ книгъ, и едва согласились наложить на сундукъ пломбы, съ тѣмъ чтобъ онъ былъ осмотрѣнъ въ Парижѣ. А въ Парижѣ оказалось, что сундукъ мой долженъ ѣхать въ Бернъ, — при чемъ оказалось, что моментъ моего пріѣзда былъ утро Воскресенія, — такъ что сундукъ мой долженъ былъ ждать въ Бернѣ до Понедѣльника. Къ вѣщеш мой бѣдѣ, въ сундукѣ были не только экземпляры брошюры моей, которыя я рассчитывалъ раздать въ тотъ же день членамъ конгресса, во время торжественнаго сеанса, но и мое бѣлье и парадное платье. По дорогѣ, въ Дижонѣ, я прочелъ въ газетахъ, что

уже состоялось, прелиминарное засѣданіе конгресса, на которомъ рѣшено было поставить главною его задачею разработку проекта международнаго закона объ охранѣ авторской литературной собственности даже и отъ переводчиковъ и склоненіе правительствъ всѣхъ странъ къ принятію этого проекта. Я почувствовалъ, что мой протестъ не на руку конгрессу. Но назадъ идти было уже поздно, а потому я рѣшилъ выпить до конца чашу, какую судьба пошлетъ мнѣ, не огорчаясь, если въ ней окажется кислотатенькая микстурка.

Оставаясь въ Парижѣ и безъ брошюры, и безъ редингота, я, кой какъ почистившись и купивши бѣлье, успѣлъ добыть въ бюро конгресса билетъ на входъ въ театръ *Chatelet*, гдѣ должно было быть торжественное открытіе конгресса рѣчами В. Гюго, Тургенева. Ж. Симона и пр. и помѣстился по возможности въ тѣни, желая вообще держаться въ роли зрителя, пока я не добуду экземпляры моей брошюры. Но въ первую же четверть часа меня окликнулъ знакомый русскій литераторъ, потомъ другой,—и объявили мнѣ, что Тургеневъ обо мнѣ спрашиваетъ и просилъ ихъ разыскать меня. Но вотъ на сценѣ театра появился учредительный комитетъ конгресса, среди членовъ котораго не трудно было мнѣ узнать знаменитую фигуру И. С. Тургенева. О рѣчахъ французовъ въ этомъ засѣданіи я говорить не буду. Упомяну только о рѣчи В. Гюго, которая представляла гимнъ парижскому универсализму и оканчивалась намекомъ на необходимость амнистіи. Последнее принято было публикой довольно холодно: всего три-четыре голоса крикнуло: *vive l'Amnistie!* и это были иностранцы. Видно было, что съ В. Гюго установился на конгрессѣ такой *modus vivendi*: великій мужъ нуженъ для освященія его именемъ коммерческихъ видовъ конгресса, и ему оказывались божескія почести и предоставлено было право заявленія его личныхъ взглядовъ, но послѣднихъ никто не думалъ поддерживать. Да впрочемъ, кромѣ этого намека на амнистію въ парадномъ засѣданіи, В. Гюго никакихъ радикальныхъ заявленій больше не дѣлалъ,—а только принималъ божескія почести и прикладывалъ свою олимпійскую печать къ резолюціямъ конгресса.

Тургеневъ говорилъ, помнится, сейчасъ послѣ В. Гюго. Очевидно, публичный ораторъ изъ нашего романиста былъ

плохой: довольно сконфуженная манера, какой то пискливый голосъ, слабый, особенно для его фигуры, да и содержаніе посредственное. Въ началѣ рѣчи стояло даже совсѣмъ странное признаніе ораторомъ своей незначительности, съ заявленіемъ, что ораторъ «даже не имѣеть большаго чина» (такъ и сказано было: *tchiné*). Больше всего говорилъ Тургеневъ о значеніи французской литературы для русскихъ, начиная отъ „вѣка Мольера“, котораго пьесу *Les Precieuses ridicules* перевела для домашняго театра царевна Софія (Драгія смѣянныя) п до „вѣка В. Гюго“.

Русская печать славянофильско-шовинистскаго направленія порядкомъ разбранила Тургенева за эту рѣчь,—да и тотчасъ послѣ засѣданія, въ буфетѣ театра *Chatelet*, куда повели меня русскіе знакомые для представленія Тургеневу нѣкоторые изъ русскихъ литераторовъ замѣтили ему, что онъ слишкомъ уже много авансовъ далъ французамъ. — „Да вѣдь они другого языка не понимаютъ, — оправдывался Тургеневъ, — и никакихъ иностранныхъ литературъ не цѣнятъ и не знаютъ“—тутъ же рассказалъ анекдотъ о томъ, какъ В. Гюго въ разговорѣ съ нимъ смѣшалъ драмы Шиллера и Гете.

Относительно моего раппорта конгрессу объ украинской литературѣ у меня съ Тургеневымъ установилось такое соглашеніе: завтра съ позаранку я отправлюсь въ Берси, получу свой сундукъ и къ 11 часамъ привезу свои брошюры Тургеневу, — онъ раздастъ ихъ членамъ конгресса въ послѣобѣднемъ засѣданіи, а потомъ мы выберемъ день, когда Тургеневъ сдѣлаетъ докладъ объ моей брошюрѣ, я скажу нѣсколько словъ и, смотря по обстоятельствамъ, предложена будетъ резолюція. Надеждъ на большой успѣхъ и Тургеневъ не имѣлъ и замѣтилъ мнѣ, что иностранцевъ на конгрессѣ мало, а большая часть членовъ — французы болѣе или менѣе коммерческаго направленія, при чемъ молодые романисты, какъ Доде, Золя и др. отсутствуютъ.

На другой день я въ 8 часовъ былъ уже въ Берси на таможи, но оказалось, что не только книги, но и платье мое получить не такъ легко. О книгахъ чиновники, собравшіяся едва послѣ 9 часовъ, сказали, что онѣ должны идти на цензуру въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а платье изъ сундука не хотѣли выдать, такъ какъ регламентъ запрещаетъ раздѣлять колп. Пробывшисъ съ 1 1/2 часа пере-

говаривая съ чиновниками до шефа включительно, я едва послѣ 11 часовъ оказался въ обладаніи моимъ платьемъ и бѣльемъ, — и конечно къ Тургеневу не могъ и думать ѣхать. Нашелъ я его послѣ завтрака въ залѣ засѣданій конгресса и рассказалъ свои невзгоды. Рѣшено было отложить докладъ о брошюрѣ до полученія ея изъ министерства вн. дѣлъ, а пока я и Тургеневъ раздавали болѣе симпатичнымъ членамъ конгресса то не большое количество экземпляровъ брошюры, которое я вытребовалъ изъ Женевы *sous bandes*. Вообще же къ конгрессу я былъ совершенно равнодушенъ и ходилъ въ него рѣдко, а Тургеневъ ясно иронизировалъ надъ нимъ въ разговорахъ съ русскими, которыхъ было впрочемъ очень немного. Тѣмъ не менѣе формально Тургеневъ былъ довольно занятъ конгрессомъ, — въ засѣданіяхъ котораго часто президировалъ. Исполнялъ президентскія обязанности Тургеневъ плохо: онъ не показывалъ никакой энергіи, обычной у французскихъ президентовъ, не зналъ даже формальностей и во всемъ слушался секретаря, одного изъ французскихъ бульварныхъ романистовъ. Секретарь и вообще бюро обращались съ Тургеневымъ даже съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. — но знаменитый русскій романистъ былъ нуженъ конгрессу какъ имя, для преданія международнаго характера конгрессу, въ сущности французскому, и состоявшему, по большей части изъ второстепенностей; романистовъ и драматурговъ, — а въ научной литературѣ изъ компиляторовъ — популяризаторовъ. Но если манера обращенія нѣкоторыхъ французскихъ членовъ конгресса съ Тургеневымъ и общее положеніе послѣдняго на конгрессѣ могли досадовать русскихъ, то обращеніе съ Тургеневымъ одного французскаго литератора съ славянскимъ именемъ. можно сказать шестистепеннаго, и къ которому французы относятся съ проницей, — было смѣшно, по крайней мѣрѣ для многихъ. Онъ постоянно ставилъ свое имя рядомъ съ именемъ Тургенева, — жалуясь на то, какъ нарушаются его авторскія права, а въ антрактахъ между засѣданіями старался пройтись по залѣ подъ ручку съ Тургеневымъ, который совершалъ этотъ маршъ съ необыкновеннымъ добродушіемъ.

Разъ прихожу въ залу конгресса во время антракта. Тургеневъ съ первыхъ словъ жалуется мнѣ на одного русскаго писателя: „вообразите, — не дальше какъ съ $\frac{1}{4}$ часа назадъ, совсѣмъ распушилъ меня, какъ мальчишку: вы, говоритъ, не

умѣете держать себя, позволяете третировать себя съ высока всякой дрянн, панибратствуете съ ***! и пошелъ, и пошелъ!» — Да что вы ко мнѣ пристаѣ, говорю, съ ***?! Какой онъ мнѣ прїатель?! Да можете его.... (тутъ Тургеневъ сказалъ довольно циническій глаголь).

Однимъ утромъ я прїѣхалъ въ засѣданіе, въ которомъ президировалъ Тургеневъ. Въ залѣ встрѣтился я съ Мавро-Маки (Mauro-Machi). Этотъ итальянецъ, бывший гарибальдїемъ, одинъ изъ вице-президентовъ конгресса, — прочиталъ мою брошюру, проникся сочувствїемъ къ нашему украинскому дѣлу и оказывалъ мнѣ всяческое вниманіе и покровительство, хватая меня во время антрактовъ подъ руку и представляя меня болѣе извѣстнымъ членамъ конгресса и рассказывая по возможности содержаніе моего протеста. — «Тургеневъ говорилъ о вашей брошюрѣ, — сказалъ мнѣ Мавро-Маки. — Какъ говорилъ? да вѣдь мы условились, что докладъ будетъ, когда я буду въ состоянїи раздать членамъ конгресса брошюру! говорю я Мавро-Маки, которому была извѣстна исторїя моего сундука. — Да, говорилъ. Рассказалъ содержаніе ея, добавилъ отъ себя сожалѣніе по поводу мѣръ русскаго правительства, — но никакой резолюціи не предложилъ. Тогда я предложилъ воспроизвести вашу брошюру въ полныхъ протоколахъ конгресса».

Мнѣ оставалось только выразить моему покровителю mille grazie, — а потомъ, выручивши наконецъ, и то какъ то чудомъ, свой сундукъ изъ канцелярїи Макмагонскаго министерства, раздать мою брошюру членамъ конгресса, преимущественно иностранцамъ, и считать, что я еще сравнительно хорошо вышелъ изъ не совсѣмъ ловкаго положенїя.

Между тѣмъ нужно было приготовить общїя резолюціи конгресса. Изъ дебатовъ выяснилось два направленїя: французское, которое стремилось какъ можно болѣе строго и на дальшїй срокъ оградить права собственности авторовъ на литературныя произведенїя, ихъ передѣлку, переводъ, представленїя и т. п. и иностранное, особенно меньшихъ народовъ и болѣе отсталыхъ, которое хотѣло наибольшаго простора по крайней мѣрѣ для переводовъ. Рѣшено было разбить конгрессу на національныя группы и, выработавъ въ нихъ предложенїя, представить ихъ на баллотировку общаго собранїя, — гдѣ, конечно, французы должны были подавить иностранцевъ огромнымъ большинствомъ. Славяне (нѣсколько

поляковъ, одинъ-два чеха, меньше десятка русскихъ) должны были собраться въ квартирѣ Тургенева, rue Douai, 50. Въ назначенный часъ я засталъ тамъ, кромѣ членовъ конгресса, и Г. Лопатина, который много занимался переводами преимущественно съ англійскаго. Языкъ для всеславянскихъ разговоровъ былъ принятъ французскій, конечно, ради поляковъ. Мы всѣ стояли за полную свободу переводовъ, изъявляя готовность огражденія авторскихъ правъ на оригиналы въ театрахъ, на передѣлки (adaptation) и т. п. Тургеневъ, соглашась съ нами въ принципахъ, говорилъ, что французы не согласятся и на такую уступку, а потому предлагалъ уступить имъ больше, признавъ право автора на дозволеніе перевода въ теченіе 2—5 лѣтъ смотря по категоріямъ произведеній. Рѣшили принять проэктъ резолюціи Тургенева, при чемъ нѣкоторые члены заявили, что сохраняютъ за собою право въ общемъ собраніи вотировать и за болѣе широкую свободу переводовъ.

Настало это общее собраніе. Президировалъ сначала Тургеневъ, а потомъ В. Гюго. Тургеневъ доложилъ свой проэктъ резолюціи о переводахъ. Французы накинулись на него съ явной злостію. Одинъ изъ романцевъ, кажется, португалецъ или румынъ, замѣтилъ въ поддержку предложеніи Тургенева, что есть страны, гдѣ литература пока часто не даетъ почти никакого барыша, а даже требуетъ пожертвованія, а потому писатели изъ богатыхъ народовъ должны довольствоваться рекламой въ пользу ихъ произведеній въ такихъ странахъ. —Пусть мнѣ заплатятъ хоть два су,—закричалъ одинъ французъ, да заплатятъ,—по крайней мѣрѣ признаютъ мое право!—Это говорилъ компиляторъ, который самъ или лучше сказать руками своихъ секретарей, не стѣснялся загребать по 5—6 страницъ чужой литературной собственности въ свои этренныя книгопеченія. Въ собраніи раздалась аплодисменты.

Тургеневъ, защищая свое предложеніе, сказалъ между прочимъ и такой аргументъ: «въ Россіи переводами занимается главнымъ образомъ учащая молодежь. Правительство, которое ея не любитъ, пожалуй, будетъ радо признать права иностранныхъ авторовъ даже надъ переводами, чтобъ лишить эту молодежь заработка».

На это одинъ изъ французовъ замѣтилъ съ злобною улыбкой:—«не можемъ же мы отказаться отъ нашихъ правъ,

чтобъ способствовать прокормленію расы нигилистовъ, которую г. Тургеневъ такъ удивительно рисуетъ намъ въ своихъ превосходныхъ романахъ“.

Когда дошло до вота, то громадное большинство французовъ провалило предложеніе Тургенева, противъ какихъ нибудь 20—30 голосовъ, поданныхъ за него почти исключительно иностранцами. Одинъ французскій бульварный романистъ, принадлежавшій къ бюро, предложилъ, чтобъ въ протоколѣ было отмѣчено: какія націи вотировали противъ принципа литературной собственности? Это предложеніе было уже совсѣмъ не похоже на пресловутую французскую вѣжливость; В. Гюго взглянулъ искоса на автора предложенія съ тѣмъ выраженіемъ наблюденія, болѣе чѣмъ укора, съ какимъ смотрять на неумѣстныя выходки учениковъ очень respectableные гувернеры, — и предложеніе не имѣло послѣдствій.

Вслѣдъ за освященіемъ права авторской собственности вотровано было предложеніе нѣсколькихъ французскихъ журналистовъ о томъ, чтобъ печать вездѣ была избавлена отъ административнаго произвола, а подчинена была только суду. Это былъ вопросъ тоже въ сущности литературной собственности, такъ какъ полицейскій произволъ, напр. закрывающій газету, уничтожалъ собственность, лишалъ заработка цѣлую массу людей и т. п. Но предложеніе это встрѣтило возраженіе со стороны французовъ же, при чемъ произошла довольно живая перепалка, — почти перебранка, — между бонапартистами и макмагонцами, составлявшими большинство, и немногими радикальными республиканцами. При подачѣ голосовъ почти всѣ иностранцы подали голосъ за предложеніе послѣднихъ, — но французы огромнымъ большинствомъ провалили его, какъ не удобное въ виду того, какъ говорили нѣкоторые, что правительства, обидившись резолюціей, ограничивающею ихъ власть надъ печатью, откажутъ въ своей поддержкѣ и проекту охраны авторской собственности, — которая, охрана, и есть главная цѣль конгресса. При видѣ этого раздѣленія голосовъ можно было предложить внести въ протоколъ: „какая нація вотировала противъ свободы печати?“, но никто изъ иностранцевъ не сдѣлалъ такого предложенія. Тургеневъ не поднялъ руки ни противъ, ни за по данному вопросу.

Конгрессъ окончился. Оставался только заключительный

банкетъ. Тургеневъ сказалъ намъ, что онъ не явится на банкетъ. Конгрессъ видимо надобль ему, — да и на банкетъ пришлось бы опять говорить рѣчь, а на это Тургеневъ, видимо, былъ не мастеръ. На всѣ наши упрасиванья Тургеневъ отвѣтилъ послѣднимъ резонномъ: „я общаюсь дамамъ провожать ихъ въ этотъ вечеръ въ *Folies Bergères*.“

Кромѣ встрѣчъ по дѣлу конгресса я имѣлъ еще два свиданія съ Тургеневымъ. Разъ онъ пригласилъ меня къ себѣ въ *г и е D о п а и*. — „Приходите, — потолкуемъ“ сказалъ онъ. Когда я вошелъ въ назначенный часъ въ его комнату, — онъ сказалъ мнѣ съ видимой радостью: „а знаете, — Вѣра Засуличъ уже за границей“. — Разговоръ пошелъ главнымъ образомъ о „Нови“, — при чемъ Тургеневъ разсказалъ, что смыслъ романа пострадалъ много отъ выпуска цензурою двухъ сценъ: одной, гдѣ изложенъ разговоръ Меркулова съ губернаторомъ послѣ ареста, а другой, (цѣлая глава), въ которой описано „хождение въ народъ“ Маріаны. Эта Маріана, какъ женщина, оказалась болѣе способною подойти къ будничной жизни крестьянъ, чѣмъ переодѣтыя студенты, — и возбудила къ себѣ болѣе симпатіи и довѣрія мужиковъ. Правда, они сразу догадались, что это барышня, однако толковали съ нею по душѣ, — и одинъ старикъ сказалъ ей: „это все правда, барышня, что ты говоришь о томъ, какъ насъ обижаютъ баре; мы это и сами знаемъ, — да ты на учи, какъ намъ пзбавиться отъ всего этого“ и т. д.

По поводу этого пропуса Тургеневъ разсказалъ такую комбинацію: — я, говорилъ онъ, поставилъ Стасюлевичу условіе, чтобъ романъ мой, не смотря на длину его, былъ напечатанъ въ одной книжкѣ „Вѣстникъ Европы“, что нѣсколько тяготило Стасюлевича. Когда книжка была представлена въ цензуру, то цензора нашли сомнительными два мѣста въ моемъ романѣ и Внутреннее Обозрѣніе и предложили одно что нибудь выбросить: или мои сцены, или обозрѣніе. Узнавъ объ этомъ, я согласился на первое. Иначе поступить мнѣ было не ловко передъ Стасюлевичемъ.

На мои вопросы о томъ, почему же въ иностранныхъ переводахъ романа не пополнены эти пропуски, п на замѣчаніе о томъ, что ни одинъ европейскій писатель его славы не позволитъ цензурѣ такъ обращаться съ его романами, Тургеневъ отвѣтилъ: „Вы хотите отъ меня борьбы, — а я для нея старъ и не чувствую силы для нея, не вижу под-

держки. Вѣдь мнѣ пришлось бы или стать эмигрантомъ или бы меня арестовали въ Россіи.— Ну, арестовать Вася!— позволилъ себѣ замѣтить я, —арестовать Ивана Сергѣевича Тургенева! это немножко сильно даже и для русскаго правительства. Посмотрѣли бы мы, какими буквами было бы напечатано въ парижскихъ напр. газетахъ: *arrestation de M. Ivan Tourguèneff!*

— А вы думаете имъ бы было интересно это? — отвѣтилъ улыбаясь Тургеневъ, — думаете, они приняли бы къ сердцу эго дѣло?! Да они ничѣмъ не интересуются, кромѣ себя, и ничего не знаютъ и не понимаютъ въ нашихъ, русскихъ дѣлахъ.

Замѣчательно было у этого отъявленнаго «западника» постоянное скептическое отношеніе къ западнымъ европейцамъ, особенно къ французамъ, среди которыхъ онъ жилъ.

— Да вотъ вамъ образецъ, какъ они насъ понимаютъ, — продолжалъ Тургеневъ. На дняхъ я встрѣтилъ N. X. (онъ называлъ имя одного извѣстнаго французскаго историка) онъ передалъ мнѣ свои впечатлѣнія отъ моей «Нови». — Я говорю, совсѣмъ дезориентированъ на счетъ Вашихъ ниглистовъ. Я столько слышалъ о нихъ дурного, — что они отрицаютъ собственность, семью, мораль... А въ вашихъ романахъ нигилисты — единственные честные люди. Особенно поразило меня ихъ цѣломудріе. Вѣдь ваши Марьяна и Неждановъ даже не поцѣловались другъ съ другомъ ни разу хотя поселились въ уединеніи рядомъ. У насъ, французовъ, это вещь невозможная. И отчего это у васъ происходитъ? Отъ холодности темперамента?...

Въ это свиданіе Тургеневъ завелъ со мной разговоръ и объ Украинѣ и выражалъ сожалѣніе, что ему не удалось ближе познакомиться съ этой страной и населеніемъ ея, рѣдкія встрѣчи съ которымъ возбудили въ немъ горячія симпатіи; памятникомъ этихъ симпатій остаются въ его романахъ: Маша въ повѣсти „Затишье“ и Михалевичъ въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“. — „У малороссовъ, говорилъ Тургеневъ, есть особый видъ идеализма и твердости, крайне симпатичный по сравненію съ утилитаризмомъ или съ распущенностію великороссійскою“. Я вотъ и изъ журналовъ нашихъ потому люблю больше всѣхъ „Вѣстникъ Европы“, что въ редакціи его мало великороссовъ, и въ немъ наименѣе нашей великороссійской распущенности: онъ беретъ вещи не-

широко, но отчетливо, и уже стоит на томъ, что говоритъ“.

Разговоръ нашъ былъ прерванъ какимъ то новымъ визитомъ.

Черезъ нѣсколько времени я получилъ записку отъ Тургенева, въ которой онъ приглашалъ меня завтракать въ одинъ ресторанъ (онъ собственно жилъ въ то время въ Буживаль и только наѣзжалъ въ Парижъ). Оказалось, что кромѣ меня приглашены гг. Лавровъ (бывшій редакторъ „Впередъ“) и Лопатинъ. Тургеневъ, очевидно, подбираетъ однородную компанію, — но нѣсколько ошибся. Разговоръ за завтракомъ вышелъ довольно скучный, какъ бываетъ въ русскихъ обществахъ, котораго члены принадлежать къ разнымъ „кружкамъ“. У меня въ памяти ничего не осталось изъ банальностей, которыя мнѣ тогда пришлось слышать и говорить.

Я упоминаю объ этомъ завтракѣ, только какъ объ одномъ изъ доказательствъ, если не близости, то хорошаго знакомства Тургенева съ г. Лавровымъ, отъ котораго не много спустя Тургеневъ отрекся публично. Отреченіе это было однимъ изъ многихъ проявленій слабости характера у Тургенева, которая доходила до вещей, по истинѣ возмутительныхъ. Если позволено мнѣ высказаться о впечатлѣніи, какое на меня лично производилъ Тургеневъ, — то я скажу, что не видалъ я человѣка такой широты и свободы мыслей, такой разнородности интересовъ; съ этихъ сторонъ у Тургенева была по истинѣ „богоравная“ натура, какъ сказалъ бы древній грекъ. Необыкновенна была и доброта Тургенева, который вѣчно устраивалъ чьи нибудь дѣла, часто людей, не имѣвшихъ на то никакого права. Но тамъ, гдѣ надо было показать какую нибудь твердость характера, слабость, передъ политической ли властью, или передъ первымъ кто просто накричитъ на Тургенева или посмѣется надъ человѣкомъ, съ которымъ по видимому Ив. Сергѣевичъ находится въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, тамъ богоравный Тургеневъ пасовалъ и отрекался отъ мнѣній, отъ отношеній. Мнѣ довелось видѣть эти черты характера Тургенева и потому я чувствовалъ къ нему то „обожаніе“ близкое къ институтскому, то почти физическое отвращеніе.

Послѣднее чувство сильно развилось во мнѣ послѣ вѣстей о поведеніи Тургенева во время поѣздки его въ Россію въ 1879 г. особенно послѣ напечатанія письма его къ М. М.

Стасюлевичу, гдѣ Тургеневъ объявилъ себя „либераломъ стараго покроя. ожидающимъ реформъ только свыше“, — при чемъ совершенно въ противность истинѣ прибавилъ къ слову либераль „въ англійскомъ, династическомъ смыслѣ“. Печатавъ послѣ того особой брошюрой „Письмо Вѣлинскаго къ Гоголю“ я коснулся и этого письма Тургенева, указавъ его несообразности съ исторіей развитія идей его товарищей по 40-мъ годамъ, какъ напр. Вѣлинскій, и съ исторіей англійскаго либерализма. Брошюру эту я послалъ Тургеневу, но никакого отъ него письма не получилъ. Скоро за тѣмъ послѣдовало публичное въ *L e T e m p s* отреченіе Тургенева отъ близкаго знакомства съ г. Лавровымъ ¹⁾. Вслѣдъ за тѣмъ мнѣ случилось быть въ Парижѣ. Одинъ общій знакомый изъ эмигрантовъ передалъ мнѣ, что видѣлся на дняхъ съ Тургеневымъ въ Буживаль и что тотъ говорилъ съ нимъ обо мнѣ, по поводу книжки моей „Историческая Польша и великорусская демократія“ и освѣдомлялся обо мнѣ. Я попросилъ знакомаго передать И. С. мой поклонъ, но поѣхать къ нему въ Буживаль не рѣшился.

Годъ спустя, получилъ отъ Н. Н., одного моего близкаго пріятеля и хорошаго знакомаго Тургенева, тогда уже сильно больного, письмо, въ которомъ Н. Н., отъ имени Тургенева, просить меня указать переводы на болѣе распространенные языки скандинавскихъ и славянскихъ народныхъ легендъ и пѣсень. Я послалъ небольшой списокъ, но скоро за тѣмъ мнѣ пришлось быть въ Парижѣ. При случаѣ, спрашиваю

¹⁾ Отреченіе это произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ: Въ 1882 г. г. наз. „Исполнительный Комитетъ Народной Воли“ въ Петербургѣ поручилъ г-жѣ Засуличъ и г. Лаврову открыть за границей „Красный Арестъ Нар. Воли“ для собиранія пособій „въ пользу жертвъ политич. деспотизма русскаго правительства безъ различія партій“. Идея дѣла была хороша, но постановка его портила все, такъ какъ „Кр. Кр. Нар. Воли“ въ Западной Европѣ являлся явнымъ отдѣленіемъ тайнаго общества въ Россіи, да еще занятаго главнымъ образомъ политическими убійствами. Никакое европейское правительство не могло потерпѣть такого отдѣленія, — и французское правительство сейчасъ же изгнало г. Лаврова, хотя и временно, съ тѣмъ что потомъ, оставивъ „Кр. Крестъ Н. В.“ онъ можетъ возвратиться въ Парижъ. „L e T e m p s“ назвалъ въ это время г. Лаврова другомъ Тургенева. Тургеневъ послѣшилъ напечатать письмо, въ которомъ заявлялъ, что встрѣчался съ г. Лавровымъ еще въ Россіи, въ Обществѣ пособія литераторамъ, а послѣ какихъ интимныхъ сношеній съ нимъ не имѣлъ.

Н. Н.— зачѣмъ Тургеневу понадобились тѣ легенды и пѣсни? — и узнаю, что нужны онѣ собственно для одного француза музыканта, близкаго человѣка къ Тургеневу, — какъ источникъ сюжета для ораторіи или для оперы. Смѣясь, я сказалъ, что я имѣю въ мысляхъ цѣлый сюжетъ для оперы, построенный изъ пѣсенъ украинскихъ и что я его сообщилъ одному пріятелю музыканту-украинцу и знакомому украинскому писателю, но послѣдній изуродовалъ сюжетъ, а первый не написалъ на него оперы, — такъ я радъ былъ бы, еслибъ французы выполнили планъ мой. Меня заставили рассказать этотъ планъ, — и онъ понравился. Стали увѣрять, что онъ понравится и Тургеневу, и рѣшили сообщить ему объ этомъ дѣлѣ. Черезъ нѣсколько времени Тургеневъ пригласилъ меня и двухъ посредниковъ (въ томъ числѣ Нат. Ал. Герценъ) къ себѣ въ Буживаль.

Мы пріѣхали и застали И. С. въ его домикъ-флигелькъ въ паркѣ г-жи Віардо. И. С., хотя и одѣтый, лежалъ на кровати. Онъ былъ страшно худъ, отчего впрочемъ его божественные глаза казались еще большими и производили чарующее впечатленіе. Но при худобѣ И. С. былъ и страшно слабъ, говорилъ тихимъ голосомъ и скоро утомлялся отъ разговора. Послѣ первыхъ привѣтствій, онъ обратился ко мнѣ со словами: „что у насъ дѣлается въ Россіи?“ — и сталъ жаловаться на управленіе гр. Дм. А. Толстого. Планъ оперы, который Т — въ меня заставилъ рассказать, ему очень понравился, и онъ просилъ меня пріѣхать къ нему въ другой разъ, чтобъ сойтись вмѣстѣ съ французомъ — музыкантомъ и окончательно установить этотъ планъ. Но довольно длинный и живой разговоръ утомилъ Тургенева, и мы должны были выйти, а тѣмъ часомъ наступило время для разныхъ медицинскихъ манипуляцій надъ больнымъ, — и мы уѣхали въ Парижъ. На другой или третій день я получилъ ниже напечатанное французское письмо, писанное дочерью г-жи Віардо и только подписанное дрожащею рукою И. С., а вслѣдъ за тѣмъ телеграмму. Я опять поѣхалъ въ Буживаль, гдѣ и засталъ музыканта, пріятеля Тургенева. Тема для оперы понравилась и ему, — я обѣщала прислать ему изъ Женевы переводы необходимыхъ украинскихъ пѣсенъ, а онъ обѣщала взяться за работу. Свиданіе съ И. С. было на этотъ разъ чрезвычайно короткое. Намъ сказали, что у него передъ тѣмъ былъ г. Лавровъ и что И. С. очень утомленъ. Я знала

отъ Н. Н., съ которымъ ѣздилъ въ Буживаль, что Тургеневъ черезъ него просилъ г. Лаврова пріѣхать къ нему, не сердясь за письмо, которое Тургеневъ напечаталъ годъ тому назадъ въ *Le Temps*. Я совершенно увѣренъ, что Тургеневъ не раздѣлялъ вполнѣ идей г. Лаврова никогда, а особенно въ тогдашній, «народновольческій», ихъ періодъ, но все таки И. С., очевидно, стыдился своего письма въ *Le Temps* о г. Лавровѣ, такъ какъ долговременное знакомство Тургенева съ г. Лавровымъ было далеко не шапочнымъ. ¹⁾ По дорогѣ въ Парижъ пріятель мой (человѣкъ умѣренно-либеральныхъ мыслей и не эмигрантъ) разсказалъ мнѣ, что разъ, когда онъ сидѣлъ ночью у кровати Тургенева, у котораго болѣзнь было очень обострилась, то слышалъ, какъ Тургеневъ, который часто сводилъ рѣчь на революціонное движеніе въ Россіи, бормоталъ въ забытіи: «а все таки „террористы“ великіе люди».

Было бы слишкомъ поспѣшно выводить отсюда, что Тургеневъ вполнѣ сочувствовалъ тогдашнимъ русскимъ „террористамъ“, -- но и эта подробность въ связи съ другими, разсказанными нами, а также съ духомъ всѣхъ напечатанныхъ писемъ Тургенева, показываетъ несомнѣнно одно, — а именно, что И. С. былъ въ идеяхъ своихъ рѣшительнымъ противникомъ абсолютизма въ Россіи.

Не много времени спустя, я получилъ отъ своего спутника въ поѣздкахъ въ Буживаль телеграмму о смерти Тургенева. Я попросилъ его возложить на гробъ великаго покойника вѣнокъ отъ имени «украинской печати». Сдѣлалъ я это между прочимъ потому, что нѣкоторые украинцы, вспоминая Пигасова, повторяютъ печатно глупости о томъ, будто бъ то Тургеневъ бытъ не расположенъ развитію украинской литературы.

М. Драгомановъ

¹⁾ Впрочемъ этотъ вопросъ всего лучше былъ бы разясненъ напечатаніемъ писемъ Тургенева къ г. Лаврову.

Письма И. С. Тургенева.

къ М. П. Драгоманову ¹⁾.

ПИСЬМО I.

Парижъ. 50, rue de Douai, Вторникъ 21/9 Марта 76.

Милостивый Государь,

Я получилъ въ одинъ день и Ваше письмо и повѣсти г. Федьковича. Искренне благодарю Васъ за столь лестный знакъ вниманія. Я успѣлъ—и безъ большаго затрудненія—прочестъ Ваше предисловіе--и могу сказать, что радѣлю вполне Вашъ образъ мыслей—въ чемъ я впрочемъ не сомнѣвался, зная Ваши прежніе труды и Ваше направленіе. Какъ только я прочту повѣсти г. Федьковича—я позволю себѣ выразить Вамъ, съ полной откровенностью, мое мнѣніе. Заранѣе чувствую, что тутъ только и бьется ключъ живой воды ²⁾— а все остальное—либо призракъ, либо трушь.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности.

Вашъ покорный слуга Ив. Тургеневъ.

ПИСЬМО II.

50, rue de Douai, Paris. Середа, 19 Дек. 77.

Милостивый Государь,

Я давно собирался написать Вамъ, чтобъ поблагодарить Васъ за доставленіе мнѣ Вашихъ изданій, цѣли и направленію которыхъ я почти безъ исключенія сочувствую. Не знаю, отъ Васъ ли я получилъ послѣднюю посылку изъ Женевы, заключающую стихотворный сборникъ: „Изъ за

¹⁾ Подробнымъ поясненіемъ этихъ писемъ служить печатаемое воспоминаніе о знакомствѣ съ Тургеневымъ М. Д.

²⁾ Дѣло идетъ и „народно-украинскомъ“ направленіи въ галицко-русской литературѣ. М. Д.

рѣшетки“ и два объявленія объ изданіи „Общины“ и отъ комитета „Общества пособія изгнанникамъ“¹⁾, но пользуюсь случаемъ, чтобъ высказать Вамъ нѣкоторыя мои мнѣнія.— Что касается до „Общины“, то мнѣ было бы весьма пріятно получать это изданіе, хотя въ объявленіи ничего не сказано ни о способѣ подписки, ни о цѣнѣ. Не могу не замѣтить, что самое это объявленіе, вѣроятно, написано не русскимъ, или же русскимъ, разучившимся писать на родномъ языкѣ:—попадаются мѣста, положительно непонятныя (напр. стр. 6-ая, строка 14 сверху и друг.);—и все изложеніе очень спутано и темно. Къ объявленію отъ комитета не приложенъ уставъ; желательно было бы получить экземпляръ.

Теперь два слова о сборникѣ. Не буду говорить о предисловіи, талантливо и умно написанномъ: ограничусь только заявленіемъ, что я не могу согласиться съ мнѣніемъ автора, будтобы мои труды „содѣйствовали искаженію образа нашего мученика правды ради“. ²⁾ При данныхъ условіяхъ, я могъ сдѣлать только то, что сдѣлалъ—и, по видимому, результатъ не совпадаетъ съ выводами и заключеніями моего критика. Что же касается до самаго сборника—то я хорошо понимаю цѣль, съ которой онъ былъ изданъ; онъ не можетъ не подѣйствовать сильно на людей сочувствующихъ: во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ столько правды, горькой жизненной правды;—но долженъ сказать съ сожалѣніемъ: таланту въ нихъ нѣтъ и слѣда... Кое что похоже на талантъ мелькаетъ въ произведеніяхъ „Чернаго“; да и то навѣяно Г. Гейне. Не безъ оригинальнаго оборота два стихотворенія на стр. 103—104, подписанныя М. М. Но собственно говоря ни одного поэтическаго, сильнаго звука, ни одного изъ тѣхъ словъ, которыя „не могутъ умереть“... А обиліе минорныхъ (весьма впрочемъ понятныхъ) тоновъ, на которое намекаетъ самъ издатель, въ общемъ возбуждаетъ чувство состраданія, жалости—скорѣй чѣмъ негодованія. Нѣтъ; поэтъ этой эпохи Русской народной жизни еще не пришелъ.. хотя я не сомнѣваюсь, что онъ появится. Все это пока—лепетъ да плачь.

¹⁾ Всѣ три послыжки были сдѣланы не мною *М. Д.*

²⁾ Авторъ предисловія къ сборнику „Изъ за рѣшетки“ (стихотворенія заключенныхъ по политическому процессу 193-хъ) говоритъ объ изображеніи „русскихъ социалистовъ-революціонеровъ“ въ романѣ „Новъ“. *М. Д.*

Позвольте Вамъ привести небольшой примѣръ. Я знаю стихотвореніе одного, далеко не гениальнаго, стараго поэта, въ которомъ дѣйствительно поэтически схваченъ одинъ изъ многочисленныхъ моментовъ узнической жизни, узническихъ чувствъ... а именно моментъ радости передъ близкимъ освобожденіемъ. Вотъ оно, это стихотвореніе — (оно принадлежитъ Я. П. Полонскому) ¹⁾.

1.

Густая крапива
Шумить подь окномъ.
Плакучая пва
Повисла шатромъ.

2.

Веселыя лодки
Въ дали голубой,
Желѣзо решетки
Визжить подь пилою.

3.

Бывалое горе
Заснуло въ груди..
С в о б о д а и м о р е
Г о р я т ь в п е р е д и!

4.

Прибавилось духа,
Исчезла тоска...
И слушаетъ ухо,
И пилить рука!

Если я не ошибаюсь, ничего — по вѣрности тона, по совпадению чувства съ выраженіемъ — ничего подобнаго во всемъ сборникѣ нѣтъ. Всякій пострадавшій, напр. имѣть полное право проклинать „тирановъ“; но если онъ дѣлаетъ это въ стихахъ — то пусть его проклятіе будетъ столь-же красиво, сколь и сильно — или пусть онъ проклинаетъ прозой

Вы, можетъ быть, со всѣмъ этимъ не согласитесь; — но мнѣ все таки было пріятно завязать съ Вами сношенія; — и я прошу Васъ вѣрить въ искренность моего уваженія.

Вашъ покорнѣйшій слуга Ив. Тургеневъ.

ПИСЬМО III.

50, rue de Douai, Paris. Пятница, 1 Марта 78.

Милостивый Государь,

Я давно собирался отвѣчать на Ваше большое письмо и присланныя брошюры; но все не могъ выискать свободнаго времени — и теперь еще долженъ отложить это удовольствіе

¹⁾ Тургеневъ ошибся: стихотвореніе это принадлежитъ А. Ѳ. Фету. М. Д.

до другого, впрочем не отдаленного дня. Въ прошлое Воскресеніе я Вамъ писалъ нѣсколько строкъ о довольно серьезной болѣзни нашего общаго пріятеля Рольстона, который еще на прошлой недѣлѣ долженъ былъ поѣхать къ Вамъ въ Женеву; но я имѣю причины предполагать, что мое письмо вовсе не было отправлено; и потому мнѣ приходится, на всякій случай, увѣдомить Васъ, что болѣзнь его острый ревматизмъ, къ сожалѣнію, не ослабла съ тѣхъ поръ — и эпоху его выздоровленія опредѣлить не возможно. Вѣроятно, эта болѣзнь заставитъ его измѣнить всѣ его планы ¹⁾. Онъ находится здѣсь въ гостиницѣ Hôtel Byron, 20 rue Laffitte — ухоть за нимъ хорошій; пріятели его посѣщаютъ, старикъ отецъ прибылъ къ нему изъ Лондона; опасности нѣтъ — но онъ весьма слабъ и не поднимается съ постели. Жаль его бѣднаго; всѣ его путешествія ему не удаются.

Отлагаю нашу бесѣду до другого раза — а теперь прошу Васъ принять увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи.

Ив. Тургеневъ.

ПИСЬМО IV.

Les Frères-Chalet. le 29 juin 1883,

Mon cher Monsieur Dragomanof,

Je suis chargé par mon ami, Monsieur D., de vous faire savoir qu'il se met à votre disposition pour toutes les heures qu'il vous plaira à partir de Samedi.

Recevez mes meilleurs compliments.

Ivan Tourgueneff.

Только подпись сдѣлана рукою Тургенева, который тогда былъ сильно боленъ и уже самъ не могъ много писать. Послѣ того я получилъ телеграмму отъ 3 Іюля:

Avez vous reçu ma lettre. Je vous attends demain.

Tourgueneff.

¹⁾ Рольстонъ передъ тѣмъ писалъ мнѣ, что онъ хочетъ пожить въ Россіи въ качествѣ домашняго учителя въ какой нибудь богатой и respectable семьѣ. М-Д.

Примѣчаніе.

(отъ издателя).

„Повісті Осипа Федьковича. З переднім словом про галицько-руське письменство Мих. Драгоманова“ были напечатаны въ Кіевѣ въ 1876 году. Предисловіе Мих. Драгоманова занимаетъ 56 стр., на которыхъ авторъ въ связи съ біографіей Федьковича даєть довольно подробный очеркъ малорусской литературы, заканчивающійся слѣдующими словами: „Звісно, те „общеруське“ письменство, що виробилось у Россіі остатню сотню років, надовго ще буде багатим скарбом освіти й науки для вчених малорусів, як і великорусів,—і треба старатись, щоб і австрійські брати наші найближче познакомились з цим письменством, особливо з новими ёго плодами. Та тільки й на нашій Україні, що в Россіі, це „общеруське“ письменство не може задовольнити усіх і в усякій потребі. І доси письменство це і ёго мова застається панською. Народ наш каже про цю мову: по вашому, по *панському*. Чи добре ж діло піддержувати те, щоб на Україні жило якби два народи,—панський та *мужицький*? Хіба не треба тут чого небудь такого, щоб звязувало їх як найтісніше, коли б вже не можна было злити їх у одно? Над чим треба добре роздумати, особливо тепер, коли на самій Великорусі новіше письменство, школа, малярство, музика усе більше забира в себе *мужицького*, народнёго духу, усе міцніше звязує серце й думку панську з *мужицькою*,—а далі приходить й на Україну у школі книзі, театрі вже не так, як колись тільки *общеруським*, але чим дальш усе більш *великоруським*? Щож тут дивного та незаконного, що українцям хочеться мати свого Некрасова, свого Рѣшетникова, свого Островского, своїх Глинку та Римского Корсакова?Не вже ж треба хотіти, щоб расплодился ще якийсь бурсако-руській народ, котрий буде теж з горда дивитись на селянина, як на *чернь*, або в ліпшій случаю пеклуватись про те, щоб і цёго селянина переробити на бурсакорусса? А инакше не може бути без книг про народ, для народу та народнёю мовою писаних. Те „общеруське“ та великоруське письменство, що виросло у Россіі тоді, як Галичина та Буковина вже стали жиги зовсім окремо, що плодиться найбільш у Петербурзі та у Москві, само тут не поможе“.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ „ТРУДЪ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ, 60. МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, 38.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

ИЗДАНИЯ М. ГРОНКОВСКОЙ.

П. Л. Лавровъ. Три бесѣды о современномъ значеніи философіи.

Цѣна 25 коп.

П. Л. Лавровъ. Механическая теорія міра.

Цѣна 35 коп.

Что такое логика? (по Миллю.)

Цѣна 60 коп.

Л. Мечниковъ. ЭРА просвѣщенія Японіи. Цѣна 25 коп.

П. Б. Фурье и Фурьеризмъ.

Цѣна 60 коп.

М. Ферварнъ. Современное мировоззрѣніе и естествознаніе.

Цѣна 30 коп.

М. П. Драгомановъ. Великорусскій Интернаціональ и Польско-украинскій вопросъ. Цѣна 50 к.

М. П. Драгомановъ. М. А. Бакунинъ. Критико-біографическій очеркъ.

Цѣна 60 коп.

Мильтонъ. Ареопагитика. Рѣчь о свободѣ печати, обращенная къ англійскому парламенту (1644).

Цѣна 20 коп.

А. Шаповъ. Естествознаніе и народная экономія.

Съ портрет. автора. Ц. 30 к.

ЧААДАЕВЪ. Апологія сумасшедшаго. Съ портрет. автора. Ц. 20 к.

М. П. Драгомановъ.

Герценъ, Бакунинъ, Чернышевскій и Польскій вопросъ.

Цѣна 40 коп.

В. Покровский. Личность и Общество (по Миллю). Съ приложеніемъ статьи А. Герцена: „Джонъ Стюартъ Милль и его книга „ON LIBERTY“.

Цѣна 50 коп.

II. Чаадаевъ. ФИЛОСОФИЧЕСКІЯ ПИСЬМА, съ приложеніемъ его письма къ Шеллингу, статьи о немъ И. Гагарина (S. J.) и отрывка изъ „Былого и Думъ“ А. И. Герцена. Переводъ съ французскаго 2-го, 3-го и 4 писемъ Б. П. ДЕНИКЕ подъ редакціей и съ предисловіемъ Вл. Н. Ивановскаго. Цѣна 50 к.

ВЪ Печати:

ЛЕКСИСЪ. Сущность культуры пер. Н. ЩЕРБАКОВА подъ редакціей проф. В. К. Соколова.

ПИСЬМА К. Дм. Кавелина и И. С. Тургенева къ Ал. И. Герцену. Съ объяснительными примѣчаніями М. П. Драгоманова.

Stanford University Libraries

3 6105 124 438 057

PG
3438
D7

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

JUN - 2 1972

